

УДК 94(470.55)«1944/1949»
ББК ТЗ(2)631-2

МИКРОИСТОРИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТКИ ЧЕЛЯБИНСКОГО МЕХАНИКО-МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА (1944–1949 гг.) Н.М. БОРОДАВКИНОЙ

Е.И. Семочкина

В основе статьи – устные воспоминания Нины Михайловны Бородавкиной, записанные автором в январе 2015 г. Они являются ценным *дополнительным источником* по истории первых лет существования Южно-Уральского государственного университета (в 1943–1951 гг. – ЧММИ), воссоздают подробности учебного процесса, досуга, быта, взаимоотношений студентов друг с другом и с преподавателями. Микроисторический подход позволяет лучше выявить и объяснить главные тенденции любой эпохи, в частности, 1940-х годов, через типичные и необычные эпизоды студенческой жизни, сохранившиеся в памяти одной из первых студенток нашего вуза.

Ключевые слова: воспоминания, микроистория, студенчество, 1940-е годы, устная история.

С Ниной Михайловной Бородавкиной (далее – Н.М.) мы знакомы давно: она живет в соседнем доме, как и наша семья со времени заселения уже более 40 лет. Беседы наши были неформальными, в домашней обстановке, без натянутости. Для устной истории доверительная атмосфера – чрезвычайно важное условие, позволяющее получить достоверную информацию от респондента.

По моей просьбе в своих воспоминаниях Н.М. основное внимание уделила студенческой поре. Для нее самой эти годы были уже заслонены многими последующими событиями, но по мере нашего разговора память ее как бы «оттаивала»: упоминание одного эпизода или имени влекло за собой новый рассказ, новый сюжетный поворот. Она не была в гуще студенческих событий, ее взгляд – со стороны, *с периферии*, и некоторые явления тех лет в ее воспоминаниях не нашли отражения. Но устная история и предполагает сбор информации у самых разных людей, с различными взглядами на действительность, обусловленными различием в их социальном положении, их местом в том или ином коллективе. Рассказчики и не стремятся быть объективными, и задача историка состоит в том, чтобы сохранить эту особенность. «Субъективность устной истории, «размытость» и «двусмысленность» ее текстов перестает быть досадной погрешностью источника и становится важнейшим качеством, открывающим путь к более тонкому и глубокому историческому анализу» [1, с. 84].

Определенную помощь в написании этой статьи мне и моей собеседнице оказала книга «Мы – с Автотракторного факультета...», перелистывая ее страницы, Н.М. вспомнила фамилии некоторых студентов и преподавателей, а вслед за этим и несколько эпизодов из студенческой жизни [2].

Н.М. родилась 26 ноября 1925 года в Кургане. В 1934 г. семья переехала в Челябинск, где ее отец стал работать на Станкомаше, а мама – в медсанчасти этого же завода медсестрой. Во время Великой Отечественной войны отец уже работал начальником цеха связи этого завода, его не взяли на фронт по причине инвалидности (он был слеп на один глаз). Старшую сестру Зою мама отправила в помощь бабушке в Магнитогорск. После окончания школы в 1943 г. Н.М. по совету мамы поступила в медицинский институт, созданный в Челябинске на базе эвакуированного сюда Киевского мединститута. Но проучившись там несколько месяцев, она поняла свою ошибку: посещение «анатомички» отвратило ее от профессии медика раз и навсегда.

В декабре 1943 г. ЧММИ объявил первый набор студентов. В феврале 1944 г. приступили к учебе. Вместе с Н.М. туда поступили ее одноклассники – Кета Хитрикова и Вася Кудряшов. Большим «плюсом» для первого набора студентов было то, что не надо было сдавать вступительные экзамены.

«Начинали учиться в небольшом здании у железнодорожного вокзала. Но больше запомнилось другое здание ЧММИ – нынешний универмаг «Детский мир», в котором были и учебные классы, и общежитие, и столовая. Было много каких-то перегородок из фанерных щитов. На третьем курсе мы уже учились в школьном здании на улице Тимирязева (сейчас Лицей № 11). В 1949 г. там был специальный кабинет для дипломников, где были все необходимые чертежные принадлежности, удобные столы. Защита диплома проходила в актовом зале. Общая атмосфера была приподнятая, деловая. Это были приятные и, конечно, волнительные моменты.

Сначала специальность, на которую я поступила, называлась в духе военного времени «танкостроение», после войны ее переименовали, перефилировали, и в дипломе у меня значится специальность «сельхозмашиностроение», квалификация – «инженер-механик». Регистрационный номер моего диплома – 60».

Трудности учебы были связаны в основном с отсутствием нормальных условий, а сам процесс Н.М. давался легко.

«На первом курсе у нас была большая группа около 20 человек, а потом нас разделили на технологов и конструкторов по желанию. Я пошла в конструкторскую подгруппу. Математика у меня всегда шла хорошо, и еще в нашей школе № 37 были хорошо поставлены уроки черчения, которые мне нравились. И в институте у меня получались красивые и аккуратные чертежи, да и потом вся жизнь у меня была связана с чертежным делом. Ну, что еще об учебе... Старались не пропускать занятия, особенно лек-

ции, надо было вести подробные конспекты, ведь учебников не хватало. Перед экзаменами много готовились, читали и конспектировали дополнительно в библиотеке в читальном зале, т.к. книги на дом не давали. Была такая двухэтажная библиотека рядом с Оперным театром, допоздна в читальном зале сидели. Все старались учиться, и мне хотелось быть не хуже других. Да и стипендия была нужна, чтобы не чувствовать себя изживенкой, я ее всю отдавала маме в «общий котел». Мы жили очень бережливо. Один раз я чуть не лишилась стипендии. Точно не помню, на втором или третьем курсе зимой очень трудно было ходить на практические занятия по математике, неудобно они стояли в расписании. А поскольку предмет я знала хорошо, лекции все посещала, то решила все задачи дома делать, не тратить зря время на дорогу. Но на экзамен преподаватель А.Д. Кацман меня даже не пустил, прямо из класса выгнал из-за пропусков. И слушать мои объяснения не стал – как было обидно! Тогда я пошла к заведующему кафедрой, все ему выложила, как есть. И он предложил сам меня проэкзаменовать. Я согласилась. И «теорию» всю, что он спрашивал, ответила, и задачи все решила верно. Так что все обошлось».

В годы институтской учебы Н.М. жила на КБСе (Ленинский район), который, как и другие районы города, был своеобразным «островом», а между ними были почти необитаемые пространства. Связывались эти «острова» причудливыми объездными трамвайными линиями. Первые троллейбусы в Челябинске пошли в декабре 1942 года, но Н.М. их не помнит, как и многие, кто жил тогда в городе и с кем я беседовала, как правило, люди говорят, что троллейбусы стали ходить только после войны. Вот такое общее впечатление сложилось у жителей Челябинска.

«В институт мы всегда ходили втроем: я, Вася и Кета, т.к. жили рядом. От КБСа под мостами особенно было страшно и темно ходить, а дальше по улице Спартака (сейчас проспект Ленина) до «Детского мира» уже легче, там всегда шел народ утром на Кировский завод (ЧТЗ), а вечером обратно. Мы трое и в институте держались вместе: на занятиях, в библиотеке, на практике. Кета, правда, после второго курса отчислилась, вышла замуж, мы с ней продолжали дружить еще долго. Остальные студенты тоже на какие-то группки разделились: «общежитские», «общественники-активисты» – в основном дети разных начальников. Мы по сравнению с ними были «пассивом», хотя еще в школе вступили в комсомол. Хотя, конечно, и художественную самодеятельность и все спортивные мероприятия организовывал комитет комсомола. Взносы, понятное дело, платила – какие-то копейки.

Помню, что постоянно не хватало времени: так много надо было всего читать, чертить, считать. Еще дорога в институт и обратно чуть не полдня отнимала, ведь в основном ходила пешком. Наверное, поэтому я стала такой выносливой и полюбила физкультуру. Хорошо бегала в любое время года: и легкоатлетические эстафеты, и лыжные. В институте много внима-

ния уделялось спорту. Помню такого студента Б. Войцеховского – организатора многих спортивных соревнований. Я хорошо бегала на лыжах, в соревнованиях всегда участвовала, они проходили в лесу. Мне там очень нравилось, вообще лес тогда был настоящий, большой, не как сейчас. Его даже во время войны сохранили, не рубили на дрова. Еще как спортсменка я всегда участвовала не только в институтских, но и в городских соревнованиях, в традиционных эстафетах 2 мая на приз газеты «Челябинский рабочий». Помню, как-то бежала дистанцию от «Детского мира» до площади Революции, и было так холодно, что меня сразу после того, как я палочку передала, в теплое пальто закутали.

Еще одно интересное событие было связано со спортом. В 1945 году после летней сессии, собрали делегацию из наших студентов ехать в Москву на физкультурный парад, намеченный на август. Но в Москве, когда мы туда приехали, меня и еще одну студентку не взяли готовиться к параду, оставили в запасных на всякий случай, а две другие наши подруги участвовали в этом параде. Они нам рассказывали, приходя с репетиций, как их там гоняли-готовили. И потом про сам парад на Красной площади рассказывали. Говорили, что даже Сталина видели на трибуне. Нас на парад не взяли, мы сидели в студенческом общежитии, занимались в спортзале и на площадке, а в город нас не пускали. Правда, как-то раз организовали нам экскурсию на ВДНХ, долго ходили по аллеям, павильоны как-то не запомнились, очень устали и сидели на больших скамейках.

Кто запомнился из студентов? Все знали Леву Анискина, сейчас бы сказали «звезда». Он отличник был, многим помогал, если кто отставал в учебе, настоящий активист был. Его в аспирантуру взяли. Об этом тогда мало кто думал, я, например, и не мечтала. Мне казалось, что лучше всего работать на заводе инженером.

Жили мы скромно, если не сказать, бедно. Ходили все «в заплатах», вечно что-то перешивали. Отец мастерски чинил обувь – это очень выручало. Как-то ему на Станкомаше дали талон на материю – сшили маме платье и мне на сарафан осталось. Вот радости-то было, ведь новых вещей почти и не видели. В 1946 г. отца направили на строительство в «Челябинск-40», и мы остались жить без него, виделись редко. В начале войны, когда училась в школе, вечно ходила голодная. А в институте стала хорошо питаться. Студентам ЧММИ дали рабочую карточку от Кировского завода, и столовая наша тоже считалась заводской. Там такие были вкусные обеды с американской тушенкой, и каша овсяная тоже была очень вкусная. Да сверх того, наши «активисты» и так были сытые, и свои столовские талоны отдавали таким, как я, по дружбе. Так что я даже домой часть еды уносила. Вот когда в декабре 1947 г. отменили карточки, тогда стало гораздо хуже. Потому что, особенно в первые месяцы, ужасно длинные очереди возникали в магазинах. Прежде всего, за хлебом, и давали одну бу-

ханку в руки, иногда, уж не знаю почему, две. Значит, надо было встать как можно раньше, чтобы занять очередь и успеть на занятия, потому что потом могло и не быть. Иногда даже на первую пару из-за этого не успевала, опаздывала. К лету 1948 г. поспокойнее стало, поняли, что хлеба хватит всем, перестали в очередях за ним давиться.

Еще вот что вспоминается о студенческой практике на ЧТЗ уже после войны. Мы обрабатывали и доводили до реализации рацпредложения, которые собирали мастера. Надо было разобраться и правильно их оформить, если они того стоили. Но попадались и странные предложения. Плохо, если такой рационализатор был упрямым и не хотел понять, что его замысел нельзя осуществить. Некоторые из них даже обижались на нас, говорили, что какие-то студенты им «ходу не дают». Иногда долго приходилось объяснять, если человек был технически неграмотным».

9 мая 1945 года пришло долгожданное известие о Победе. О событиях этого дня Н.М. рассказала немного, многое в памяти уже стерлось, но мелкие детали сохранились.

«Рано утром, я еще спала, вдруг во дворе какие-то люди стали громко кричать, прямо, как бешеные. Я вскочила, бросилась к окну, а они кричат «Победа»! Я выбежала во двор, а тут Вася и Кета идут ко мне. Мы вместе пошли на улицу, а там уже много народу идет в центр города. И мы пошли с ними. По улице Спартака на улицу Кирова к Главпочтамту. Там был митинг – много выступали, все поздравляли друг друга, плакали и смеялись, не разобрать. Ликование сплошное. Главные улицы все запрудил народ. Неожиданно много людей оказалось сразу в одном месте. Целые толпы. ... Но все проходило организованно».

После защиты диплома в 1949 г. Н.М. вышла замуж за студента-фронтовика, который учился на последнем курсе Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Н.М. получила направление на завод им. С. Орджоникидзе, но проработала там недолго, т.к. в 1950 г. пришлось уехать по распределению мужа, который после окончания ЧИМЭСХ получил направление в Карталы. Потом им пришлось сменить еще несколько мест жительства, пока в январе 1954 г. они не вернулись в Челябинск. И с тех пор Н.М. стала работать на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ). Сначала в Отделе главного технолога, а с августа 1954 г. – в Отделе главного конструктора по своей любимой специальности, на должности инженера-конструктора. 24 февраля 1981 г. она вышла на пенсию, получив звание «ветеран труда». С 1986 по 1997 гг. работала в ЖЭУ-4 специалистом по лифтам. Долго была «старшей по дому» на общественных началах, а должность эта хлопотливая, неблагодарная, требующая от человека недюжинной выдержки, умения говорить и договариваться с разными людьми. По месту жительства Н.М. работала в Совете ветеранов до 2010 г.

Достоверность ее рассказов без прикрас не вызывает сомнений. Подобные воспоминания являются ценным источником по *истории повседневности и исторической психологии*, красноречиво характеризуют рядовую студентку технического вуза, ее основные жизненные ценности: семья, образование, престижная работа инженера на ведущем в своей отрасли заводе. Н.М. – человек скромный, отчасти ироничный, спокойный, уравновешенный, самокритичный. Себя в студенческие годы она относит к «пассиву» по сравнению с «активом» группы. «Актив» – это те, кто был в первых рядах по успеваемости, делал первые шаги в науке, или проявлял себя на политическом поприще местного масштаба – в комсомольской или партийной организации. Ее активность проявлялась в спорте. Лидерскими качествами Н.М. не обладала, но постоять за себя могла, когда была уверена в своей правоте.

К теме студенчества 1940-х годов я обращаюсь не впервые. На прошлогодней конференции нашего вуза были собраны и представлены в качестве исторического источника воспоминания студенток-историков Челябинского государственного педагогического института (ЧГПИ), учившихся в 1947–1951 годах [3]. В них много общего с воспоминаниями Н.М. Бородавкиной. По всем этим воспоминаниям студенчество 1940-х годов характеризуется как небольшая социальная группа в Челябинске, но динамичная, устремленная в будущее.

По подобным воспоминаниям «простых» людей прослеживаются различные способы поведения, жизненные установки и ценности, иногда совпадающие, а иногда и нет с основными официальными установками в государстве и обществе. Изучая такие разнонаправленные действия, можно объяснить неоднозначность и противоречивость крупномасштабных процессов, происходящие «зигзаги» истории, а зачастую и не всегда предсказуемые результаты спланированных и организованных властью мероприятий, или их очень высокую социальную цену.

Библиографический список

1. Черепанова, Р. С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории / Р. С. Черепанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т.13. – № 1. – С. 80–85.
2. «Мы – с Автотракторного факультета...». К 60-летию Автотракторного факультета ЮУрГУ. – Челябинск: Изд-во «Абрис», 2003. – 367 с.
3. Семочкина, Е. И. Микроистория: воспоминания студенток исторического факультета Челябинского государственного педагогического института (1947–1951 гг.) / Е. И. Семочкина // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 962–969.

[К содержанию](#)